

УДК 271.22-9:94(470.21)

**РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ ДУХОВЕНСТВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1920- 1921 ГГ.**

© 2023 Ю.П. Бардилева

Мурманский арктический университет

Статья поступила в редакцию 01.11.2023

В статье рассматривается один из этапов гонений на духовенство Русской православной церкви, а именно 1920–1921 гг., ознаменовавшиеся кампанией по борьбе с «контрреволюционными» взглядами и антисоветской идеологией. Данный период характеризуется преследованием священнослужителей, выступавших на стороне антибольшевистских сил в годы Гражданской войны. В статье рассмотрены дела священников, подвергшихся судебному преследованию за свою деятельность в 1918–1920 гг. на территории Архангельской и Олонецкой епархий. Основу исследования составили материалы судебных дел, заседаний ревтрибуналов.

Ключевые слова: репрессии, духовенство, Русская православная церковь, Европейский Север России.

DOI: 10.37313/2658-4816-2023-5-4-45-52

EDN: ESDKTO

Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР № 122060900077-6.

Традиционно в новейшей истории России период политических репрессий ассоциируется с эпохой тридцатых годов двадцатого столетия. Однако, применительно к истории Русской православной церкви достаточно отчетливо выявляется несколько волн гонений на духовенство и верующих.

Первый этап связывают с событиями Гражданской войны, второй – с проведением кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г., третий – с масштабными репрессиями второй половины 1920-х – 1930-х гг. Складывается ложное впечатление, что в 1920-е гг. наступает период некоего «религиозного нэпа». Напротив, сразу же по окончании Гражданской войны советские партийные и государственные органы власти активно стали преследовать священнослужителей, которые в годы войны, оказавшись на территориях, занятых белыми, участвовали в крестных ходах и

молебнах в поддержку деятельности Белого движения. И хотя в большинстве случаев, кроме выполнения традиционных служб и требоисправлений, защиты своих храмов и обителей от разграбления красными, они никакой иной помощи белым не оказывали, тем не менее числились в рядах пособников и защитников контрреволюции.

30 января 1921 г. в г. Москве был вынесен окончательный приговор членам Архангельского «Союза духовенства и мирян», разгромленного ВЧК в феврале 1920 г. Одинадцать месяцев ожидали арестованные священнослужители и верующие-миряне решения по своему делу. Первоначальный приговор предполагал, что епископ Пинежский Павел (Павловский), секретарь Епархиального Совета Дмитрий Соколов, редактор «Епархиальных ведомостей» Иоанн Попов и протоиерей Виктор Чекан должны быть расстреляны. Однако к январю 1921 г. в связи с амнистией в честь годовщины Октябрьской революции (7 ноября 1920 г.) расстрельный приговор был заменен на пять

*Бардилева Юлия Петровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории.
E-mail: bardileva_murman@mail.ru/*

лет тюремного заключения, а для В. Чекана было предусмотрено условное заключение (в связи с преклонным возрастом и плохим состоянием здоровья). Остальным арестованным по делу – Легатову, Мелетьеву, М. Попову, В. Попову и Шапошникову – вместо пятилетнего срока заключения по амнистии дали три года¹. Такое «тщательное» расследование по делу данного «Союза» было связано с ролью его представителей в годы Гражданской войны, в период существования Северной области.

Суд не случайно проходил далеко за пределами Архангельской губернии – власти опасались волнений в регионе, связанных с поддержкой священнослужителей местным населением. Арестованным предъявлялись обвинения в контрреволюционной деятельности, в промонархических настроениях и пособничестве интервентам. Однако «Союз духовенства и мирян г. Архангельска», а точнее – «Союз объединенного духовенства» – был создан еще в июне 1917 г. в г. Архангельске² исключительно для решения проблем обустройства Церкви в сложившейся после Февраля 1917 г. ситуации. Его представители были решительно настроены на демократические преобразования в Церкви. Главными целями, судя по проекту устава, были объединение духовенства и мирян для успешного решения общецерковных задач, поддержания православной веры в новых «условиях свободного демократического строя», защиты правовых и материальных интересов Церкви, охранения христианских начал в жизни, изыскания мер к «... умственному и религиозно-нравственному совершенствованию своих членов». Для решения этих задач предполагалось использовать печатное и устное слово, проповедничество, публичные лекции, просветительскую, культурную и благотворительную деятельность³.

Антибольшевистские воззвания и молебны в поддержку интервентов в 1918 – 1919 гг. появятся в деятельности «Союза» после принятия Декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществах в ян-

варе 1918 г., вычеркивающего Церковь из жизни общества, после проведения реквизиций храмового и монастырского имущества и в особенности после убийств священнослужителей Архангельской епархии. В тексте протеста, врученного 16 апреля 1919 г. Союзом духовенства и мирян Архангельской епархии председателю Временного правительства Северной области (ВПСО) Зубову через делегацию в составе И. Попова, Д.С. Соколова и К.А. Матфеева⁴, были указаны некоторые священники, пострадавшие на территории Архангельской губернии (все они были замучены и убиты): священники Шангин, Распутин, псаломщик Афанасий Смирнов, протоиерей Сурцов. Протест был вызван политикой большевиков в отношении Церкви на территориях, где они установили свою власть, – «...правительство народных комиссаров не только запечатывает храмы, но и обращает их в чайные, казармы и даже кинематографы ..., духовенство подвергается пыткам и мучениям». В связи с этим Союз просил обратиться ВПСО к «...авторитетному голосу Мирной Конференции, прося принять решительные меры к прекращению ужасных и позорных деяний, направленных против христианской религии»⁵. Имена погибших, указанные в протесте, подтверждаются и в других источниках⁶. К ним можно добавить сведения о расправе над протоиереями Иваном Дьяконовым и Александром Карелиным⁷.

Среди арестованных на Кольском Севере по этому делу был священник с. Кузомень. Ни его фамилия, ни дальнейшая судьба после ареста по документам не прослеживаются. После 1921 г. там служит о. Николай Попов. Другой – благочинный Василий Мартынов. Он был арестован в апреле 1921 г. и отправлен по неизвестной общине и духовенству края причине в Архангельск⁸. Правда, расследование закончилось для него благополучно. По спискам религиозных двадцаток его имя прослеживается в Александровске (Полярном), где он был священником с 1899 г. вплоть до 1931 г.

Дело «Союза духовенства и мирян» в определенной степени получило свое продолжение в феврале-апреле 1921 г., когда за высказывания и рапорты на имя епископа Пинежского Павла в 1919 г. были арестованы несколько священников и рядовых верующих. Так, священника Алексея Азарьевича Фирсова обвиняли в клевете на «кошунства» большевиков в Усть-Поченской церкви Пинежского уезда в декабре 1919 г. Возможно, это обвинение и можно было бы рассматривать как свидетельство непримиримой классовой или идеологической борьбы, если в этом же судебном-следственном деле не содержался рапорт начальника «белой» милиции Кукина о состоянии данной церкви после прихода красных: «... вокруг церкви окопы, колья. Хлам, бревна, в иконостасе ни одной иконы, в иконостасе штыковые повреждения, нет предметов богослужения и облачений, в церкви человеческие испражнения, порванные облачения и один из колоколов на столбах трактовой дороги». Начальник милиции упомянул о том, что на священнических облачениях спали большевики, шили из этих облачений кисеты для табака, а изображения из Евангелия прибавляли на углах домов⁹. Обвинительное заключение в отношении проходивших по делу содержит скорее не правовую, а эмоциональную оценку их действий: «... священников Фирсова и Хлызова, как святейших отцов, вмешавшихся в политические дела, вопреки их учению, и ненавистников Рабоче-Крестьянской власти, как неисправимых монархистов, в духе религиозном, - подвергнуть наказанию Лагеря Принудительных работ до конца гражданской войны; но, принимая во внимание их возраст и совершенные преступления в 1918-19 гг. и амнистии ВЦИК – дать наказание по пяти лет каждому. Кукина, как старого полицейского надзирателя, царского служителя, по его выражению – «спеца» по вылавливанию и раскрытию преступных действий, совершаемых большевиками, и изъявлению служить белогвардейской власти - заключить в Лагерь Принудработ до конца гражданской

войны». В выписке же из протокола № 21 заседания Архгубчека от 29 апреля 1921 г. указан в качестве меры наказания одинаковый срок для всех троих – 5 лет заключения в концлагере. По амнистии в честь пятилетней годовщины революции в 1922 г. их срок заключения был сокращен до трех лет и четырех месяцев¹⁰.

На территории Кольского Севера сразу после восстановления советской власти по окончании Гражданской войны и интервенции также отмечались случаи репрессий в отношении духовенства. Прежде всего речь идет о Княжегубской трагедии. 8 октября 1919 г. здесь были расстреляны 17 княжегубцев, в том числе подросток-партизан, 2 крестьянина из северокарельских деревень и 2 финских красногвардейца¹¹. В течение долгого времени роль Церкви в данной трагедии оценивалась как антигуманная, контрреволюционная - отмечалось, что наряду с белогвардейцами в вынесении смертного приговора участвовал и местный священник Александр Богданов¹². Однако есть несколько причин, чтобы не согласиться с такой трактовкой.

Во-первых, канонически ни один священник не может участвовать в вынесении приговора, обрекающего на смерть. Единственное, чем может ограничиваться его участие при вынесении смертного приговора, так это исповедью и причащением приговоренных к казни, если они выразят свое согласие на совершение таинств.

Во-вторых, в деле «по поводу ареста граждан за пособничество врагу», хранящемся в Национальном архиве Республики Карелия, ничего не говорится о прямом участии или присутствии священника во время расстрела¹³. В заявлении в следственную комиссию Мурманского ревкома он обвинялся в том, что в момент восстания крестьян Княжой губы 30 сентября 1918 г. по собственной инициативе выступил с речами и убедил крестьян сложить все оружие у церкви. После этого Александр Богданов вскинул над колокольной белой флаг, и в деревню вошел карательный отряд подпол-

ковника Судакова, а после был произведен расстрел «красных» князегубцев (командир партизанского отряда Пospelов, написавший об этом, указывает 27 человек в числе расстрелянных). Обвинить священника можно лишь в том, что он надеялся на урегулирование отношений мирным путем после сдачи на милость победителя, а также в недопущении тотального уничтожения односельчан в ходе карательной операции – силы защитников с. Княжая губа и отряда Судакова были явно неравны.

В-третьих, сохранился весьма интересный документ, подтверждающий невиновность священника Богданова. Это протокол № 12 общего собрания жителей Княжой губы от 21 апреля 1920 г. На нем рассматривался вопрос об освобождении ряда односельчан, арестованных 3 апреля 1920 г. по обвинению в эксплуатации чужого труда, сотрудничестве с белыми и союзническими войсками и в выступлениях против советской власти, среди которых упоминается и священник Богданов. Решение собрания явно свидетельствует об их невиновности: «...мы находим, что вышеупомянутые граждане ... за все время пребывания белых местных и союзнических банд не выступали ни открыто, ни тайно, не замечены в пропаганде против советской власти... Если и были какие неправильные действия с их стороны, то /их/ мы объясняем тем, что ... под угрозой уничтожения всей деревни полковником Судаковым ... они и сделали некоторые ошибки ... Мы, граждане и гражданки, пострадавшие от белых банд в лице своих мужей и сыновей, находим вышеупомянутых лиц ... совершенно невиновными». На этом собрании присутствовало около 80 человек¹⁴, и, думается, что, перенеся гибель собственных близких, они не стали бы выгораживать виновных.

Священник Александр Ионович Богданов стал первым из духовенства Кольского Севера, кто был репрессирован. Его расстреляли по обвинению в противодействии восстанию красных партизан, которое затевалось в Княжой Губе. Когда в селе была вос-

становлена советская власть, священника обвинили в том, что он помешал организовать коммунистам партизанское восстание, став тем самым пособником антибольшевистских сил. Священника увезли в г. Вологду и предали суду ревтрибунала. Точная дата его смерти неизвестна. Последний допрос фиксируется в январе 1921 г., потом он был расстрелян¹⁵.

В отличие от священника Александра Богданова, падмозерскому священнику Александру Кузьмичу Звероловлеву из Карелии повезло чуть больше. Александр Звероловлев не участвовал ни в одном собрании, где обсуждались вопросы поддержки белых отрядов. По настоянию крестьян он вынужден был отслужить молебен об удачном осуществлении их планов, однако при этом предупреждал об опасности кровопролития. Так, бывший членом сельского исполкома Толвуйской волости в 1918 - 1919 гг. Иван Козырев, характеризуя отца Александра, заявил, что не замечал «... за Звероловлевым агитации ни с амвона и нигде», что священник не участвовал ни в каких собраниях, связанных с политикой, занимаясь исключительно церковно-приходскими делами. И. Козырев показал, что молебен после убийства комиссара Коленова и начала восстания священник отслужил под нажимом со стороны представителей церковного совета, заявивших, что за деятельность А. Звероловлева они платят жалованье. Священник оказался дипломатом: прочитав краткую проповедь о гонимых за веру, он призвал отказаться от личной мести, указав на «переходный момент»¹⁶.

Несколько позднее, с приходом красных и изменением линии фронта, почти все население с. Падмозеро бежало в соседнее село – Шуньгу. По словам самого священника, в тот день «в деревне поднялась тревога, беготня, говорят: пришли в Толвую пароходы с войском, потом... стали прибегать из толвуйских деревень крестьяне». Беженцы сообщили, что в Толвуде началась стрельба, людей «колют, в воду бросают», среди местных жителей нача-

лась паника. В результате село опустело, вместе с большей частью населения его покинул и священник. По требованию падмозерских крестьян, бежавших в Шуньгу и лишившихся на несколько месяцев крова, А. Звероловлев составил обращение к белым властям с просьбой о выдаче беженцам продовольствия, обуви и одежды. При этом со слов жителей Толвуи он упомянул и о жестокой расправе над крестьянами и кощунствах, творимых красными в храмах. Но когда пришли белые и начались аресты и расстрелы коммунистов и советских работников, он своим поручительством спас жизнь нескольким из них, например, Петру Беззубикову и председателю сельсовета Падмозера Матфею Олухову. По личной просьбе отца Александра они и еще двое толвуян были выпущены из-под ареста¹⁷.

Несмотря на вышеуказанное А. Звероловлев был арестован 14 июня 1920 г. и препровожден в лагерь принудительных работ, где в ожидании приговора находился как чернорабочий, занятый трудом на огороде. Священник написал прошение председателю Олонецкой губчека т. Кантеру, в котором назвал себя далеким и чуждым политике человеком, действовавшим под нажимом верующих сельчан. В заключительном акте 6 сентября 1920 г. заведующий секретным отделом Олонецкого губчека т. Лузгин дал следующую характеристику священнику: «... Звероловлев Александр Кузьмич, священник, добровольно перешел на сторону белых, ... писал прошение к белым властям, а также служил молебен в честь белых. Надо заметить, что это произошло по настоянию прихожан волости»¹⁸. Александр Звероловлев был привлечен в числе других участников военных действий к уголовной ответственности. В обвинительном заключении было сказано, что он «... враг не опасный; действовал по настоянию граждан», что виновным себя не признал. Священник был осужден трибуналом. Однако ему помогли многочисленные ходатайства спасенных им коммунистов, а также простых крестьян с. Падмозера, в которых подчеркивалась не

только его непричастность к восстанию, но и взятая им на себя роль миротворца (хотя в ходе восстания погибло около тридцати человек). Александр Звероловлев был осужден на три года условно¹⁹.

В первые месяцы после окончания Гражданской войны на Европейском Севере России ревтрибуналы нередко принимали достаточно мягкие приговоры в отношении духовенства, выражавшего неприятие революционной идеологии. Вероятно, это было связано с желанием закрепить достигнутый успех в деле восстановления советской власти, опасением вспышек восстаний в тех местностях, где позиции священнослужителей были достаточно сильны. Например, Ревтрибунал Карельской Трудовой Коммуны (КТК), указав в деле по обвинению иеромонаха Задне-Никифоровской пустыни Филарета Яковлевича Осмоловского, что последний неоднократно был проводником белых в дер. Кашканы Коткозерской волости, «... говорил белым, что надо разломать железнодорожный путь, дабы не допустить красноармейцев и даже высказывался, что он сам станет в ряды белых и будет бить красных», амнистировал его 16 ноября 1920 г. после полугода с момента начала следствия. Было учтено, что виновным себя Ф.Я. Осмоловский не признал и заявил, что, хотя и препровождал белофиннов в дер. Кашканы, «делал это не по своей воле и охоте, а по принуждению белых, которые в случае отказа грозили ему смертью»²⁰.

Похожей была и ситуация с обвинением священника дер. Реболово (прим. – в деле встречается и иное название населенного пункта – с. Реболы) Михаила Александровича Филина. В марте 1921 г. на него поступил донос, содержащий сведения о том, что священник М.А. Филин в период, когда в Ребольской волости были белофинны, призвал выступать против красных с оружием в руках и не пускать их в волость; распространял информацию, что большевики грабят население в Петрограде. На допросе в пятом, особом, отделении г. Петрозаводска 18 июня 1921 г. отец Михаил опроверг данные

обвинения и даже заявил, что верующим в церкви говорил, что советская власть – настоящая народная власть, потому развязала Церкви руки, отделив ее от государства. Однако допрос свидетелей по делу показал, что, будучи священником в с. Лужма Повенецкого уезда и совершая богослужения в с. Реболы Ребольской волости, М.А. Филин был настроен по отношению к советской власти крайне нетерпимо, утверждая, что большевики не щадят ни людей, ни церкви, ни святых, за что их ждет возмездие от Бога. Дело М.А. Филина отправили в Ревтрибунал КТК, который 5 августа 1921 г. вынес приговор о заключении его под стражу в концлагере сроком на шесть месяцев (прим. – до вынесения приговора священник находился под стражей в исправдоме). Однако уже 29 октября 1921 г. тот же ревтрибунал постановил досрочно-условно освободить отца Михаила с применением принудительных работ без содержания под стражей на весь оставшийся срок²¹.

Еще несколько примеров свидетельствуют о том, что в некоторых случаях духовенство и вовсе выступало на стороне красных. Так, в захваченной белыми д. Римской пулеметчик пытался проникнуть на колокольню Георгиевской церкви с тем, чтобы обстрелять контратакующую красноармейскую часть. Псаломщик преградил ему дорогу и был убит на месте. Когда в сентябре 1919 г. белогвардейский отряд захватил Авдеевскую волость, священник И. Беляев не примкнул к группе зажиточных жителей, встречавших хлебом-солью освободителей. Все время, пока белые находились в Авдееве и Песчаном, он находился под угрозой расстрела, так как все знали, что его сын служит в Красной армии²². Так что обвинения в контрреволюционной деятельности поголовно всех священников как минимум беспочвенны.

Проанализировав ряд дел конца 1920 - 1921 гг. в отношении духовенства Архангельского Севера, Кольского края и Карелии, можно увидеть несколько закономерностей.

В национальных регионах, на территориях, сравнительно недавно возвращенных от Финляндии в состав Советской России или находившихся вблизи государственной границы, в первый год после окончания Гражданской войны партийные и советские органы власти достаточно часто ограничивались условными или незначительными сроками наказания в виде лишения свободы, нередко амнистировали обвиняемых священников по поручительству верующих, не желая настраивать против себя местное население. Там же, где новая власть чувствовала себя более уверенно, за меньшие проступки священникам выносились приговоры на длительный срок заключения либо решения о расстреле. Однако указанный период стал временной передышкой для духовенства и мирян. Новые волны преследований начнутся уже спустя год и будут связаны с кампанией по изъятию церковных ценностей. «Религиозный нэп» так и не наступит.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Феофил (Волик), иеродиакон.* Дело о контрреволюционной деятельности «Союза духовенства и мирян» и явление Божией Матери в Архангельске // VII Иоанновские образовательные чтения. Секция 5. Новомученики и исповедники земли Архангельской. Сборник докладов. Архангельск: Православный издательский центр, 2006. С. 58-59.

² *Артамонов Д.С.* Северные церковники на службе у царизма. Архангельск: Архгиз, 1940. С. 54.

³ Проект Устава Союза объединенного духовенства и мирян Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. Приложение. 1917. № 14 (15 апреля - 1 сентября). С. 340-343.

⁴ *Блинов Н.* Попы и интервенция на Севере. Архангельск: Севкрайгиз, 1930. С.11.

⁵ *Валентинов А.* Черная книга. «Штурм небес» // Волга. 1991. № 5. С.117.

⁶ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. Лондон: Overseas Publication Iterchange, 1991. С. 386.

⁷ За Христа Пострадавшие. Гонения на Русскую

- Православную Церковь. 1917-1956. Биографический справочник. Кн. 1. / гл. ред. протоиерей Владимир Воробьев. М.: Изд-во Общ-ва Правосл. Св.-Тихон. Богосл. Ин-та, 1997. С. 397, 551.
- ⁸ Дело контрреволюционных попов // Известия Архангельского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Губернского комитета РКП(б). 1921. 29 января. С. 2, 10 февраля. С. 4.
- ⁹ Архив УФСБ по Архангельской области. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-18400. Л. 9-10, 32.
- ¹⁰ Там же. Л. 69-70, 82.
- ¹¹ Береснев Н. Партизаны Князегубья // Канда-лакшский коммунист. 1987. 30 апреля. С. 3.
- ¹² Государственный архив Мурманской области. г. Мурманск (ГАМО). Ф. Р- 996. Оп. 1. Д. 277. Л. 21-23.
- ¹³ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф.П-14. Оп.1. Д.6/185. Л. 2.
- ¹⁴ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. Р-286. Оп. 1. Д.13. Л. 134-135.
- ¹⁵ Сиротинская Г. Советские репрессии и духовенство Мурманска / Общественно-исторический клуб «Белая Россия» // URL: <https://www.belrussia.ru/page-id-9894.html> (дата обращения: 01.11.2023).
- ¹⁶ Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 297. Л. 166-169об.
- ¹⁷ Там же. Л. 169об; Басова Н.А. Русская православная церковь в Карелии в 1918- 1941 годах. Дисс. ...канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 75.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 297. Л. 422-424, 446-446об.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 298. Т.2. Л. 237, 266, 312об; Басова Н.А. Указ. соч. С. 76.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 17 Л. 4-5, 32.
- ²¹ НА РК. Ф. Р-641. Оп. 1. Д.70. Л. 5, 11, 66-68, 77-77об, 113-113об, 115.
- ²² Басова Н.А. Указ. соч. С. 76.
- Архангельск: Севкрайгиз, 1930. 15 с.
5. Валентинов А. Черная книга. «Штурм небес» // Волга. 1991. № 5. 103-117.
6. Дело контрреволюционных попов// Известия Архангельского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Губернского комитета РКП(б). 1921. 29 января. С. 2, 10 февраля. С. 4.
7. За Христа Пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917-1956. Биографический справочник. Кн. 1. / гл. ред. протоиерей Владимир Воробьев. М.: Изд-во Общ-ва Правосл. Св.-Тихон. Богосл. Ин-та, 1997. 735 с.
8. Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. Лондон: Overseas Publication Iterchange, 1991. 429 с.
9. Проект Устава Союза объединенного духовенства и мирян Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. Приложение. 1917. № 14 (15 апреля -1 сентября). С. 340-343.
10. Сиротинская Г. Советские репрессии и духовенство Мурманска / Общественно-исторический клуб «Белая Россия» // URL: <https://www.belrussia.ru/page-id-9894.html> (дата обращения: 01.11.2023)
11. Феофил (Волик), иеродиакон. Дело о контрреволюционной деятельности «Союза духовенства и мирян» и явление Божией Матери в Архангельске // VII Иоанновские образовательные чтения. Секция 5. Новомученики и исповедники земли Архангельской. Сборник докладов. Архангельск: Православный издательский центр, 2006.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артамонов Д.С. Северные церковники на службе у царизма. Архангельск: Архгиз, 1940. 64 с.
2. Басова Н.А. Русская православная церковь в Карелии в 1918 – 1941 годах. Диссертация ... кандидата исторических наук / 07.00.02. Петрозаводск, 2006.
3. Береснев Н. Партизаны Князегубья // Канда-лакшский коммунист. 1987. 30 апреля. С. 3.
4. Блинов Н. Попы и интервенция на Севере.

REFERENCES

1. Artamonov D.S. Northern churchmen in the service of tsarism. Arkhangelsk: Arkhgiz, 1940. 64 p.
2. Basova N.A. The Russian Orthodox Church in Karelia in 1918 – 1941. Dissertation... Candidate of Historical Sciences (PhD in History)/ 07.00.02. Petrozavodsk, 2006.

3. *Beresnev N.* Partisans of Knyazhegubye // Kandalaksha Communist. 1987. April 30. p. 3.
4. *Blinov N.* Priests and intervention in the North. Arkhangelsk: Sevkraigiz, 1930. 15 p.
5. *Valentinov A.* Black Book. "Storming the heavens" // Volga. 1991. no. 5. 103-117.
6. The case of counterrevolutionary priests // Izvestia of the Arkhangelsk Provincial Executive Committee of the Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies and the Provincial Committee of the RCP(b). 1921. January 29. p. 2, February 10. p. 4.
7. For Christ the Victims. Persecution of the Russian Orthodox Church. 1917-1956. Biographical directory. Book 1. / gl. ed. Archpriest Vladimir Vorobyov. M. : Publishing House of the Society of St. Tikhon's Bogoslovsky Institute, 1997. 735 p.
8. The Red Terror during the Civil War. Based on the materials of the Special Investigative Commission to Investigate the Atrocities of the Bolsheviks / ed. - comp. Yu.G. Felshtinsky. London: Overseas Publication Interchange, 1991. 429 p.
9. Draft Charter of the Union of the United Clergy and Laity of the Arkhangelsk Diocese // Arkhangelsk Diocesan Gazette. Application. 1917. No. 14 (April 15 - September 1). pp. 340-343.
10. *Sirovinskaya G.* Soviet repression and the clergy of Murmansk / Socio-historical Club "Belaya Rossiya" // URL: <https://www.belrussia.ru/page-id-9894.html> (date of application: 01.11.2023)
11. *Theophilus (Volik), hierodeacon.* The case of the counter-revolutionary activity of the "Union of Clergy and Laity" and the appearance of the Mother of God in Arkhangelsk // VII St. John's Educational Readings. Section 5. New Martyrs and Confessors of the Arkhangelsk Land. Collection of reports. Arkhangelsk: Orthodox Publishing Center, 2006.

REPRESSION AGAINST THE CLERGY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN 1920-1921.

© 2023 Y.P. Bardileva

Murmansk Arctic University

The article is devoted to one of the stages of the persecution of the clergy of the Russian Orthodox Church, namely 1920-1921, marked by a campaign to combat "counter-revolutionary" views and anti-Soviet ideology. This period was characterized by the persecution of the clergy who had sided with the anti-Bolshevik forces during the Civil War. The author examines the cases of priests who were prosecuted for their activities in 1918-1920 on the territory of the Arkhangelsk and Olonets dioceses. The research is based on the materials of judicial and investigative cases, meetings of the revolutionary tribunals.

Keywords: repression, clergy, Russian Orthodox Church, European North of Russia.

DOI: 10.37313/2658-4816-2023-5-4-45-52

EDN: ESDKTO

The study was carried out within the framework of initiative research and development projects (R&D) no. 122060900077-6.